

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.18>

Талызина Елена Викторовна

"Ведь был бы мир другим": тема войны в поэзии Эдварда Томаса

Погибший на Западном фронте британец Эдвард Томас открыл свой поэтический дар во время Первой мировой войны и, как полагают, в значительной мере благодаря ей написал за два года 142 стихотворения. Цель исследования - выяснить, можно ли считать его "военным поэтом" и в каком смысле. В статье рассматривается влияние войны на поэзию Томаса и её отражение в произведениях поэта. Научная новизна работы заключается в том, что в России, где творчество Э. Томаса известно мало, работ на эту тему практически нет. В результате показано, что, несмотря на то, что он не был "окопным поэтом", война, в основном имплицитно, часто в образах природы, присутствует во многих его стихах, окрашивая всю его поэзию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 95-100. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Aktaş B. Bildiğim bir ağrıyı yazdım [Электронный ресурс] // Radikal kitap. 02.10.2009. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
6. Alpan C., Gümüş S. Sema Kaygusuz ile yeni romanı Yüzünde Bir Yer üzerine söyleşisinden bir bölüm [Электронный ресурс] // Notos Edebiyat. 2009. Ekim-Kasım. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
7. “Asırlık bir uzaklık vardı aramızda” Yüzünde Bir Yer – Sema Kaygusuz [Электронный ресурс]. URL: https://www.cafrande.org/asirlik-bir-uzaklik-vardi-aramizda-yuzunde-bir-yer-sema-kaygusuz (дата обращения: 17.05.2020).
8. Aslankara M. Sadık. Romancılığımızda bir öykücü: Sema Kaygusuz [Электронный ресурс] // Cumhuriyet KİTAP. 2009. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
9. Barışta P. Sema Kaygusuz’un yeni romanı: “Yüzünde Bir Yer” edebî Guernica [Электронный ресурс] // KIYI. 27.09.2009. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
10. Ertuğrul D. Dersim, Hızır ve yok olan mahcubiyet [Электронный ресурс] // Star gazetesi. 2009. 26 Ekim. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
11. <https://www.insanokur.org/karaduygun-sema-kaygusuz/> (дата обращения: 29.05.2020).
12. Kaygusuz S. Karaduygun. İstanbul: Doğan Kitap, 2012. 113 s.
13. Kaygusuz S. Yüzünde Bir Yer. İstanbul: Doğan Kitap, 2012. 171 s.
14. Örer A. Sema Kaygusuz: “Burası kırık aynalar ülkesi” [Электронный ресурс] // Taraf. 18.10.2009. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
15. Şarman D. Sema Kaygusuz ve Yüzünde Bir Yer için düzeltilmiş notlar [Электронный ресурс]. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).

Poetics of the Novel by Sema Kaygusuz “Yüzünde Bir Yer” (“A Place on Your Face”) (2009)

Repenkova Mariya Mihaylovna, Dr
Lomonosov Moscow State University
mmrepenkova@rambler.ru

The paper considers poetics of the famous novel by the modern Turkish authoress S. Kaygusuz “Yüzünde Bir Yer” (“A Place on Your Face”) (2009). The researcher analyses the novel’s narrative structure, system of images, traces influence of the Biblical-Koranic and Alevi traditions on the development of the main personage’s image whose inner self is divided. Scientific originality of the research lies in the fact that S. Kaygusuz’s novelism has not been previously investigated in the domestic Turkish studies. The following conclusions are justified: S. Kaygusuz’s poetics is a new phenomenon in the Turkish XXI-century literature; in the analysed work, the accent is shifted from acute social problematics towards deeper psychological problems; when developing the personages’ images, the authoress focuses on their unstable inner world.

Key words and phrases: Turkish fiction; Sema Kaygusuz; novel “Yüzünde Bir Yer” (“A Place on Your Face”); Turkish Alevis; system of images; Biblical-Koranic discourse.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.18>

Дата поступления рукописи: 18.05.2020

Погибший на Западном фронте британец Эдвард Томас открыл свой поэтический дар во время Первой мировой войны и, как полагают, в значительной мере благодаря ей написал за два года 142 стихотворения. Цель исследования – выяснить, можно ли считать его «военным поэтом» и в каком смысле. В статье рассматривается влияние войны на поэзию Томаса и её отражение в произведениях поэта. Научная новизна работы заключается в том, что в России, где творчество Э. Томаса известно мало, работ на эту тему практически нет. В результате показано, что, несмотря на то, что он не был «окопным поэтом», война, в основном имплицитно, часто в образах природы, присутствует во многих его стихах, окрашивая всю его поэзию.

Ключевые слова и фразы: Эдвард Томас; поэзия XX века; литература Первой мировой войны; стихи о войне; образы природы.

Талызина Елена Викторовна
Самарский государственный технический университет
elanor68@mail.ru

«Ведь был бы мир другим»: тема войны в поэзии Эдварда Томаса

Отражение войны в художественной литературе, особенно в поэзии – тема сложная и противоречивая. Сама концепция военной поэзии меняется с течением времени. Один из тех, кто способствовал её изменению, – это британский поэт Эдвард Томас (1878-1917), чьё творчество не укладывается в сложившиеся стереотипы. Благодаря ему теперь поэт Первой мировой войны – это необязательно «окопный поэт». Его считают (вместе с Уилфредом Оуэном, Айзеком Розенбергом и Робертом Грейвсом) одним из британских «военных поэтов», оказавших значительное влияние на последующую английскую поэзию [12, p. 123]. Тем не менее споры о теме войны в творчестве Томаса продолжаются. В этом заключается *актуальность* данного исследования.

Указанная цель определила следующие *задачи*: проанализировать поэзию Э. Томаса и выяснить, оказала ли Первая мировая война влияние на её тематику; если да, то в какой мере и в чём это выражается.

Для анализа произведений поэта применяются следующие *методы исследования*: биографический, психологический, герменевтический, формальный, метод целостного анализа литературного произведения.

Теоретической базой исследования послужили труды англоязычных авторов, в основном У. Кука (первым показавшего Э. Томаса как военного поэта) [4], Э. Моушена [14], Э. Лонгли [10-12], примечания последней к стихам поэта [16].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материал можно использовать в курсах преподавания зарубежной литературы.

Томаса далеко не сразу признали «военным поэтом». В книге, впервые изданной в 1980 г., Эндрю Моушен указывает на 60 лет игнорирования этого аспекта и неправильного представления о поэте [14, р. 91]. В критической биографии Томаса, вышедшей в 1970 г., Уильям Кук иллюстрирует это утверждение мнениями критиков. Атали Бушнелл (1947 г.): война послужила темой лишь для немногих из его стихотворений [4, р. 209]; Г. Кумс (Coombes) (1956 г.): поэт написал «шесть или семь военных стихотворений» [4, р. 209; 5, р. 187-188]; Джон Г. Джонстон (1964 г.): Томас «отказался позволить конфликту вмешаться в [его] ностальгические сельские видения» [Цит. по: 4, р. 209] (перевод здесь и далее, кроме указанных случаев, автора статьи. – Е. Т.); Бернард Бергонци (Bergonzi, 1965 г.): в творчестве Томаса война существует лишь как отголосок, её присутствие намеренно исключается [Ibidem, р. 210].

Э. Моушен пишет, что такое мнение высказал ещё анонимный критик в рецензии в «Литературном приложении к Таймс» на публикацию 18 стихотворений Томаса в “An Annual of New Poetry” (в «Ежегоднике новой поэзии») за 1917 г., упрекая поэта в слишком пристальном внимании к природе и полном игнорировании «страшной жизни последних трёх лет» [Цит. по: 14, р. 91].

По словам У. Кука, немногочисленные антологии военной поэзии, в которых появлялись стихи Томаса, давали неправильное представление о поэте как идеалисте, разочарованном при получении реального военного опыта, каким он никогда не был [4, р. 210]. Многие считали его «окопным поэтом» [Ibidem, р. 209-210], хотя на самом деле на фронте он не написал ни одного стихотворения (почти всё время на военной службе, с середины июля 1915 г. по конец января 1917 г., он провёл в Англии, в основном в военных лагерях).

Но, по мнению современной исследовательницы творчества Томаса Эдны Лонгли, У. Кук и другие укрепили репутацию Э. Томаса как военного поэта [12, р. 123]. Впоследствии Кумс и Бергонци частично пересмотрели свои взгляды [3, р. 78; 6, р. 242].

Э. Лонгли отмечает, что Томас не был «втиснут» в категорию военного поэта, а расширил её, повлияв на «канон Великой войны» [12, р. 123]. По её мнению, «концепция поэзии Великой войны по Томасу» [Ibidem] может показать поэзию в более целостном свете: не только «окопные поэты», но все поэты того времени «писали в каком-то смысле военные стихи» [11, р. 59].

Как полагает Э. Моушен, так как вся поэзия Э. Томаса была написана во время войны, всю её можно считать в каком-то смысле военной поэзией [14, р. 92]. Ещё друг Томаса американский поэт Роберт Фрост признавал решающую роль войны в становлении Томаса как поэта [Ibidem].

Его поэзия во многом не соответствует каноническому представлению, поскольку, как отмечает Э. Лонгли, он писал не «окопные стихи», «но “о войне” в целостном смысле» [11, р. 58]. Также он не вписывается в парадигму «полярности» военной поэзии: он не был ни ура-патриотом, приветствовавшим войну, ни её ярким противником. Да, война стала для него, как и для немногих других поэтов, своеобразной музой [10, р. 36], но он был старше большинства «военных поэтов» и принёс с собой «богатый литературный фон» [12, р. 123] (всю свою взрослую жизнь Томас был литературным работником: автором литературных биографий и путевых записок, эссеистом, влиятельным литературным критиком), который не мог не повлиять на восприятие войны; к тому же, он далеко не сразу попал на фронт. В отличие от «окопных поэтов» (Сассуна Оуэна, Розенберга), которые видели и старались показать ужасы войны как уникальное явление, Томас воспринимал войну как постоянно повторяющийся исторический процесс, пусть действительно ужасный [14, р. 93].

Война с самого начала оказала значительное влияние на Томаса. Она застала его в деревенской глуши Глостершира, где он проводил отпуск. Там же в то время жил Фрост с семьёй. Друзья много времени проводили в прогулках и разговорах. Известно, что уже 26 августа Томас сделал запись в дневнике о том, что, увидев растущую луну, он «подумал о людях на востоке, видевших её в тот же самый миг. Кажется глупым любить Англию до сих пор и не знать, что её, возможно, могут опустошить, а я мог бы, но, возможно, не сделал бы ничего для предотвращения этого» [Цит. по: 16, р. 296]. Осенью он совершил поездку по стране, собирая материал для серии очерков о том, что думает мирное население о войне. Приведённая выше запись получила развитие в очерке “This England” («Эта Англия»), появившемся в периодической печати 7 ноября 1914 г., в котором автор говорил: «Что-то, я чувствовал, нужно сделать, чтобы я мог снова спокойно смотреть на английский ландшафт» [15, р. 221]. Однако тогда он не знал, что именно «нужно сделать». Чтобы понять это, понадобилось время, и этот процесс отразился в поэзии.

Представление самого Томаса о том, какой должна быть военная поэзия, также определилось ещё в начале войны. Оно было выражено в рецензии «Военная поэзия» в декабре 1914 г., в которой он говорит, что это самый недолговечный род поэзии, потому что во время войны существует спрос на злободневные стихи, от которых практически ничего не остаётся в памяти потомков. По его мнению, «созрев для поэзии, мысли поэта... едва ли сохраняют какой-либо колорит 1798 или 1914 года» [Цит. по: 4, р. 213]. Его собственная поэзия началась в том же декабре, в соответствии с его представлениями.

Как полагает Э. Моушен, жизненные обстоятельства Э. Томаса и его поэтические воззрения смогли смягчить воздействие войны на него [14, р. 93], позволив ему писать о более мирных сторонах жизни [Ibidem, р. 94]. По мнению Э. Лонгли, для Томаса война совпала с готовностью к поэзии, что было обусловлено несколькими психологическими и литературными факторами, в том числе влиянием Фроста [11, р. 60].

Уже изначально взгляды Томаса на войну были трезвыми, лишёнными ура-патриотического пафоса. Возможно, на них повлияла работа над заказанной биографией герцога Мальборо, которую он писал с марта по июнь 1915 г. [4, p. 85], так как в то время, «когда Британия снова сражалась на полях Фландрии» [Цит. по: *Ibidem*], жизнь этого деятеля вызывала интерес. Читая книгу, можно заметить, что автор был в курсе событий на Западном фронте и проводил параллели с прошлым: один из предшественников герцога Мальборо и его солдаты сражались там же, «где англичане лежат теперь (1915)» [18, p. 96]; в своих письмах герцог упоминал «места, которые сегодня знает каждый» [*Ibidem*]. Душераздирающее описание осады Турне [*Ibidem*, p. 118] вполне воспроизводит обстановку на Западном фронте времён Первой мировой войны, что позже нашло отражение в творчестве «окопных поэтов». Однако сам Томас, не принимая участия в военных действиях, воздерживался в поэзии от подобных описаний.

Исследователи цитируют письмо Фроста издателю Эдварду Гарнетту, написанное вскоре после гибели Томаса в апреле 1917 г., где он называет поэзию последнего, цитируя его стихотворение “Roads” («Дороги»), «Дорогами во Францию» [4, p. 242]. Действительно, в ней можно проследить весь путь Томаса от мысли, что «что-то нужно сделать», до решения поступить на военную службу и впоследствии отправиться на Западный фронт.

Поэзию Томаса можно условно разделить на два периода: до поступления на военную службу и после. Во втором периоде война вырисовывается яснее, она эксплицитно упоминается в шести стихотворениях (а если считать “the old wars” [16, p. 134], «старые войны» в “The Trumpet”, «Трубе», то в семи). Возможно, сюда входят все стихотворения, которые Г. Кумс причислял к «военным». Но это не значит, что война не отражается в стихах, написанных до поступления на военную службу, хотя она упоминается лишь в четырёх. Во втором же периоде, до самого конца, встречаются стихотворения, в которых даже при большом желании нельзя найти «военный след» (например, “The Sheiling” («Горный приют»), “The Lane” («Просёлок») и самое последнее стихотворение – “The Sorrow of True Love” («Скорбь истинной любви»), записанное в дневнике, взятом с собой во Францию).

В первый период Томас пробует себя в качестве поэта, ищет свои темы. Он размышляет о своём месте в сложившихся условиях и открывает свой патриотизм, а также определяет, что такое истинно патриотические стихи; он ищет модели для таких стихов в английской литературе и отражает это в антологии “This England”, изданной в 1915 г. Его собственные стихи близки по тематике произведениям, отобранным для неё; два стихотворения, “The Manor Farm” («Усадьба-ферма») и “Haymaking” («Сенокос»), он включил в антологию. Он пишет о том, «что он любит в Англии» [19, p. 309]: прежде всего её природу (деревья, травы, цветы, птиц, смену времён года), но также её фольклор и сельскую жизнь в целом. Однако, поскольку автор творил в военное время, в них присутствует чувство, что довоенная сельская Англия находится под угрозой. Стихи с конца июня по конец июля 1915 г. отражают принятие решения о поступлении на военную службу [16, p. 246], прощание с мирной жизнью, причём некоторые видят отголоски раздумий о такой возможности в более ранних стихотворениях, как, например, “The Bridge” («Мост», апрель 1915 г.) [19, p. 316], в котором лирический герой после долгой одинокой прогулки, в конце дня отдыхает на мосту; основанием для такого предположения может быть “this moment brief between / Two lives” [16, p. 66] («миг этот – что черта / Двух жизней»). Стихи, созданные на военной службе, описывают опыт армейской жизни (интересны три стихотворения, отражающие ассоциации, связанные с сигналами горна), выражают готовность жертвовать жизнью за родную страну, содержат размышления о своей возможной судьбе, в том числе возможности смерти, что превращается в предчувствие, почти неотвратимость собственной смерти после решения отправиться на фронт. Так, образ леса, изначально часто силы, враждебной человеку в поэзии Томаса (возможно, потому что она создавалась в военное время), становится символом смерти в таких стихотворениях, как “The Green Roads” (досл. «Зелёные дороги»), “The Dark Forest” («Тёмный лес»), “Lights Out” («Отбой»). Стихи, затрагивающие военную тему, разные по жанрам (Э. Лонгли видит возможную причину позднего признания Томаса в разнообразии его лирики [12, p. 123]): элегия (“The Sun Used to Shine” («Светило солнце»)), «военная пастораль» (“As the Team’s Head-Brass” («Лагунный блеск на сбруе»)), частично “Man and Dog” («Человек и собака»)), «гамлетовский» монолог (“Rain” («Дождь»)), эпитафия (“A Private” («Рядовой»), “In Memoriam” (лат. букв. «в память»)).

Не считая «Рядового» (“A Private”), который, судя по всему, далеко не сразу приобрёл две последних «военных» строки [16, p. 174], первым стихотворением Томаса, где прямо упоминается война, стало “Man and Dog” («Человек и собака») – о встрече в духе Вордсворта, окрашенной войной. В нём герой-рассказчик встречает пожилого разнорабочего, чьи трое сыновей находятся на фронте; он говорит, что тем, кто в окопах, возможно, не придётся спать в эту ночь, так как они будут преследовать врага [*Ibidem*, p. 57]. Однако в других стихотворениях первого периода война присутствует имплицитно. Возможно, она подразумевается в ответе старого крестьянина в ещё одной «Вордсвортской» встрече в новогоднее утро 1915 г. (о том, что пусть «счастливый новый год» настанет «поскорее» [*Ibidem*, p. 49, 172]). В стихотворении “Lob” («Лоб»), одном из немногих явных выражений патриотизма Томаса, об архетипе английского сельского жителя – выразителе народного духа говорится, что видели, как он умирал в битвах прошлых веков, но до сих пор жив. Его называют “One of the Lords of No Man’s Land”, где сельскохозяйственный термин, «бесхозная (букв. ничья) земля», превращается в военный – так называется территория между окопами противников [*Ibidem*, p. 223]. Пожалуй, впервые у Томаса война рассматривается в «Лобе» как повторяющийся исторический процесс. Эту тему продолжают стихотворения, написанные после поступления на военную службу: “February Afternoon” («Февральским днём»), где война включается в природный цикл, наряду с пахотой, и “The Sun Used to Shine”, в котором на поэтическом уровне повторяются мотивы эссе “This England”: во время прогулки с другом лирическому герою при виде восхода луны, которую, вероятно, в тот момент видят солдаты далеко на востоке, приходит на ум война. Однако теперь она рассматривается в одном ряду с Крестовыми походами и битвами Цезаря [*Ibidem*, p. 122].

Часто у Томаса, любившего природу, имевшего, по мнению современных исследователей, «экоцентрическое» мировоззрение, война воплощается в образах природы. В четверостишии “In Memoriam (Easter 1915)” («Пасха 1915») нетронутые цветы в лесу на Пасху напоминают о тех, кто сейчас находится далеко от дома (т.е. на фронте) и никогда больше не будет рвать цветы со своей любимой (т.к. погибнет) [Ibidem, p. 80]. Война может витать зловещей тенью над мрачным оврагом, тем более что там произошло убийство барсучка [Ibidem, p. 48] (“The Combe” («Овраг»)). В «Сове» (“The Owl”) до лирического героя, после долгой утомительной прогулки, в деревенской гостинице долетает снаружи совиный крик, напомнивший ему, что другие не могут удовлетворить потребности в отдыхе, пище и тепле, причём эти «другие» включают солдат [Ibidem, p. 65]. Иногда это предчувствие «экологического апокалипсиса» [10, p. 36], как в “The Mill-Water” (букв. «Мельничной воде»), о заброшенной водяной мельнице, где когда-то жили и работали люди [16, p. 65].

Хрестоматийное стихотворение “As the Team’s Head-Brass” («Латунный блеск на сбруе») – это «военная пастораль». В нём лирический герой (авторское «я»), судя по всему, в военной форме, разговаривает о войне с пахарем (обрывочно, когда последний доходит до него), сидя на поваленном снежной бурей вязы. Эта сцена как бы обрамляется влюблённой парой, которая в начале стихотворения скрывается в лесу, а в конце выходит из него. В мотивах пахоты и влюблённых исследователи практически единодушно видят аллюзии на стихотворение Т. Харди “In Time of ‘The Breaking of Nations’”, 1915 г. (в переводе А. Сергеева «В эпоху “Сокрушения народов”»), в котором говорится, что “a man harrowing clods” [7, p. 543] («человек за своей борной» [1, с. 67]) и “a maid and her wight” [7, p. 543] («с невестой жених» [1, с. 67]) переживут память о войне. Однако некоторые исследователи считают, что Томас согласен с Харди [13, p. 172; 14, p. 113]: нужно пахать, что бы ни случилось, а влюблённые обещают обновление. Другие же полагают, что Томас полемизирует с Харди: вечные ценности находятся под угрозой [4, p. 240], появление влюблённых из леса не гарантирует, что после войны восстановится «эпистемологическая безопасность» [11, p. 75], война – такая же неотъемлемая часть человеческой жизни, как и пахота [19, p. 368]. Промежуточное мнение выражает Майкл Кёркем: сельская Англия может выжить после катастрофических изменений, но прежний общественный порядок обречён [9, p. 209-210]. Говоря словами поэта, без войны «был бы мир другим» (“For it would have been / Another world” (“As the Team’s Head Brass” [16, p. 124])).

Однако без войны другим был бы и художественный мир самого Томаса, что можно видеть на примере стихов, источником которых послужил переработанный довоенный прозаический материал. В том же «Рядовом» пьяница, ночевавший на улице (в «гостинице» «Куст боярышника»), – теперь пахарь, погибший в бою [Ibidem, p. 50].

Ещё одна такая переработка – стихотворение “Rain” («Дождь»), написанное белым стихом. Его источник – отрывок из книги “The Icknield Way” (о древней дороге из Норфолка в Уилтшир), в котором герой-рассказчик лежит без сна в деревенской гостинице и слушает звук непрекращающегося дождя, в депрессии, остро чувствуя одиночество и собственную смертность [17, p. 280-283]. В поэтическом варианте (январь 1916 г.) сохраняются депрессия, чувство одиночества и смертности, но действие переносится в армейский барак. Теперь лирический герой думает о других (судя по всему, и о тех, кто находится на фронте), сочувствуя им:

“But here I pray that none whom once I loved
Is dying tonight or lying still awake...
Helpless among the living and the dead,
Like a cold water among broken reeds,
Myriads of broken reeds all still and stiff...” [16, p. 105]. /

«Но я молюсь, чтоб из любимых мной
Никто не умирал теперь, не бдел...
Бессильный среди живых и мертвецов,
Как среди тростинок сломанных вода,
Недвижных сломанных тростинок тьмы...».

Здесь «тьма сломанных тростинок», возможно, становится символом многочисленных погибших на полях сражений.

Если ещё 50 лет назад исследователи и критики не замечали присутствия войны в поэзии Томаса, то в более позднее время они иногда видят её практически в каждом стихотворении. Так, например, Тим Кендалл обнаруживает отголоски войны в конечных строках стихотворения “Melancholy” (букв. «Меланхолия»), написанном 25 апреля 1915 г., в котором лирический герой в деревенском доме в ненастный день, предаваясь этому чувству,

“...heard a distant cuckoo calling
And, soft as dulcimers, sounds of near water falling,
And, softer, and remote as if in history,
Rumours of what had touched my friends, my foes or me” [Ibidem, p. 85]. /

«...вдали кукушки слышал пенье
И, как цимбалы, мягкое воды паденье,
И еле слухи доносились, как во сне,
Небезразличные друзьям, врагам или мне».

Кендалл находит аллюзии на «Кубла Хана» Кольриджа в «цимбалах» (“dulcimers”, в русском переводе В. Рогова превратившихся в «лютию» [2, с. 195]) и «падении воды», а так как в «Кубла Хане» в последнем

(громком, следует заметить) были слышны «голоса войны» [Там же], то война должна подразумеваться и у Томаса. Тем более что в стихотворении “The Sun Used to Shine” («Светило солнце», написанном, кстати, больше года спустя [16, p. 296]) до лирического героя доходят слухи о далёкой войне (“tumours of the war remote” [Ibidem, p. 122] – значит, и эти слухи такие же) (но в таком случае союз, вероятно, был бы не «или», а «и», так как они касались бы всех?). Таким образом, голос кукушки ассоциируется с войной и смертью [8, p. 73-74]. На самом деле, как отмечает Э. Лонгли, в стихотворении есть аллюзии и на других поэтов-романтиков: Китса (включая саму «меланхолию») и Вордсворта (кукушка) [16, p. 231].

В строках стихотворения “The Thrush” («Дрозд», датировано ноябрём 1915 г.), размышлении о весне и осени, “I must remember / What died in April” [Ibidem, p. 103] (досл. «Я должен помнить, / что умерло в апреле») Кендалл видит аллюзию на первую газовую атаку при Ипре и высадку британских солдат в Галиполи, произошедших в апреле 1915 г. [8, p. 69] (тем не менее «Дрозд» входит в число стихотворений, написанных осенью 1915 г. в военном лагере под влиянием Китса, «при возвращении к поэзии в обстоятельствах, способных обострить чувство смертности» [16, p. 258]: со времени поступления на военную службу в июле Томас ничего не писал).

Но вероятные аллюзии на «Кубла Хана» (бурлящая в «пропасти» река, которая «текла, петляя и вивясь» [2, с. 195]) присутствуют в стихотворении, написанном, когда Томас принимал окончательное решение о поступлении на военную службу, – “A Dream” («Сон», что тоже отсылает к произведению Кольриджа [16, p. 250]), где поток, падающий в пропасть, текущий, «вздыхаясь и змеясь» (“Heaving and coiling” [Ibidem, p. 96]), разлучает лирического героя с другом (альтернативой было поехать к Фросту в Америку), ассоциируясь с войной.

“Cock-Crow” («Петухи») – последнее стихотворение Томаса, написанное до начала армейской жизни. Как считает Э. Лонгли, в нём отразился процесс, приведший к поступлению на военную службу, также это первое стихотворение, где появляется военный сигнал [Ibidem, p. 257]. Ассоциация пения петухов с военным сигналом может вызывать в памяти стихотворение Харди “Men Who March Away” («Люди, что идут в поход»), которое Томас высоко оценивал и где пение петухов связывается со сборами на войну [7, p. 538; 16, p. 257, 312].

“Out of the wood of thoughts that grows by night
To be cut down by the sharp axe of light, –
Out of the night, two cocks together crow,
Cleaving the darkness with a silver blow:
And bright before my eyes twin trumpeters stand,
Heralds of splendour, one at either hand,
Each facing each as in a coat of arms:
The milkers lace their boots up at the farms” [16, p. 101]. /
«Из леса мыслей, что в ночи растёт
И под секирой света упадёт,
Из ночи льётся крик двух петухов,
Тьму серебристым звуком расколов.
Двух трубачей рисую я себе,
Прекрасного герольдов: как в гербе,
Лицом друг к другу, внешне двойники.
Доярки надевают башмаки».

Пение петуха, как бы раскалывающее тьму, и «доярки» пришли из ранней прозаической книги Томаса [Ibidem, p. 256], но теперь они вписываются в военный контекст. В каком-то смысле это стихотворение противоположно «Отбою» (“Lights Out”), написанному под влиянием ассоциаций, вызываемых вечерним сигналом. И в том, и в другом лес обозначает область сна, бессознательного состояния, хотя в английском языке это выражено разными словами (в «Отбое» “forest”). В «Петухах» же сигнал – это побудка: пробуждение (выход из бессознательного) и готовность к действию. «Лес мыслей» также обозначает нерешительность, смятение перед принятием решения. «Геральдическо-героический» образ может предполагать приветствие военных действий, ура-патриотизм, однако последняя строка возвращает к повседневности: Томас принимал войну как неизбежность, а своё участие в ней – как обязанность. Подобное отношение исследователи видят в более позднем стихотворении – «побудке» “The Trumpet” («Труба») [4, p. 235; 13, p. 182; 19, p. 378].

Таким образом, можно прийти к следующим **выводам**. Война значительно повлияла на художественный мир Томаса, глубоко отразилась в его поэтическом творчестве, в частности, помогла осознать любовь к родной стране, что нашло выражение в поэзии. Однако нельзя считать его военным поэтом в традиционном смысле: так как его стихи были написаны до отправки на фронт, в них практически нет непосредственного описания военных событий, часто даже отсутствует эксплицитное упоминание войны. Тем не менее она имплицитно присутствует во многих стихотворениях, в основном в образах природы, которые выражают скрытую угрозу, напоминают о потере, смерти, побуждают к действию. Можно сказать, что поэзия Э. Томаса говорит о воздействии войны на мирную жизнь, в том числе на жизнь самого поэта, в целостном смысле.

В перспективе можно проанализировать место Э. Томаса среди поэтов Первой мировой войны, сравнив его произведения со стихами «военных» поэтов в традиционном смысле, определив их общие черты и отличия. Кроме того, дальнейшего исследования заслуживает система художественных образов поэта, отражающих его психологическое состояние, вызванное войной.

Список источников

1. **Английская поэзия в русских переводах. XX век:** сборник / сост. Л. М. Аринштейн, Н. К. Сидорина, В. А. Скороденко. М.: Радуга, 1984. 846 с.
2. **Поэзия английского романтизма:** сборник / пер. с англ. М.: Художественная литература, 1975. 672 с.
3. **Bergonzi V.** Heroes' Twilight: A Study of the Literature of the Great War. Third edition. Manchester: Carcanet Press, 1996. 248 p.
4. **Cooke W.** Edward Thomas: A Critical Biography. L.: Faber and Faber, 1970. 296 p.
5. **Coombes H.** Edward Thomas. L.: Chatto & Windus, 1956. 256 p.
6. **Coombes H.** English Literature Made Simple. L.: W. H. Allen & Company, 1977. X+294 p.
7. **Hardy T.** The Complete Poems / ed. by J. Gibson. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. XXXVI+1004 p.
8. **Kendall T.** Modern English War Poetry. Oxford: Oxford University Press, 2006. 276 p.
9. **Kirkham M.** The Imagination of Edward Thomas. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. XII+225 p.
10. **Longley E.** Going Back to Edward Thomas // Branch-Lines: Edward Thomas and Contemporary Poetry / ed. by G. Cuthbertson and L. Newlyn. L.: Enitharmon Press, 2014. P. 29-41.
11. **Longley E.** The Great War, History, and the English Lyric // The Cambridge Companion to the Literature of the First World War / ed. by V. Sherry. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 57-84.
12. **Longley E.** Under the Same Moon: Edward Thomas and the English Lyric. L.: Enitharmon Press, 2017. 302 p.
13. **Marsh J.** Edward Thomas: A Poet for His Country. L.: Paul Elek, 1978. XIV+226 p.
14. **Motion A.** The Poetry of Edward Thomas. L.: The Hogarth Press, 1991. X+198 p.
15. **The Last Sheaf:** essays by Edward Thomas / with a foreword by T. Seccombe. L.: J. Cape, 1928. 224 p.
16. **Thomas E.** The Annotated Collected Poems / ed. by E. Longley. Tarsset: Bloodaxe Books, 2013. 332 p.
17. **Thomas E.** The Icknield Way. L.: Constable & Company, Ltd., 1913. XVI+320 p.
18. **Thomas E.** The Life of the Duke of Marlborough. L.: Chapman & Hall, Ltd., 1915. VIII+296 p.
19. **Wilson J. M.** Edward Thomas: From Adlestrop to Arras: A Biography. L.: Bloomsbury, 2015. XVI+480 p.

“It Would Have Been Another World”: War Theme in Poetry by Edward Thomas

Talyzina Elena Viktorovna
Samara State Technical University
elanor68@mail.ru

The British poet Edward Thomas who was killed on the Western Front discovered his poetical talent during the First World War. According to some critics, it's mostly due to the war he was inspired to write 142 poems in the space of 2 years. The paper tries to answer the question whether it would be appropriate to consider Thomas a “war poet”, and if yes, in what sense. The article examines influence of the war on Thomas's poetry and considers representation of the war theme in his poetical works. Scientific originality of the research is conditioned by absence of studies on Thomas's creative work in domestic literary criticism; his name is almost unknown in Russia. The following conclusions are justified: though Thomas couldn't be considered a “trench poet”, the war theme, often implicitly, through nature images, appears in many of his poems, becoming a leitmotif of his poetry.

Key words and phrases: Edward Thomas; XX-century poetry; literature of the First World War; war poetry; nature images.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.19>

Дата поступления рукописи: 16.05.2020

Цель исследования – определить функциональные возможности текстовой категории интертекстуальности на материале современных англоязычных сказок. Упоминается автоинтертекстуальность и приводятся примеры присутствия этого феномена в авторских сказочных текстах. **Научная новизна** работы заключается в сборе новых данных о функционировании категории интертекстуальности и описании новых закономерностей в использовании функционала категории интертекстуальности авторами произведений. **В результате** доказано, что использование интертекстуальных связей в современных англоязычных сказках способствует реализации таких авторских интенций, как создание комического эффекта, придание повествованию фактуальности, организация хронотопа, развитие сюжета, характеристика персонажа и места события.

Ключевые слова и фразы: межтекстовые связи; развитие сюжета; интертекстуальность; хронотоп; комический эффект; фактуальность; характеристика персонажа; автоинтертекстуальность.

Тананыхина Алла Олеговна, к. филол. н., доц.

Козинец Ирина Олеговна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
allatan@mail.ru; irinakozinets@gmail.com

Функциональный потенциал интертекстуальности в современных англоязычных сказках

Актуальность темы обусловлена тем, что категория интертекстуальности является важнейшим объектом исследования в современной лингвистике и литературоведении. Использование современных литературных